

Борис СТАДНИЧУК

ЧЕЛОВЕК, ОТСТОЯВШИЙ МАНГЫШЛАК

Отрывки из рукописи книги «Экспедиция длиною в жизнь»

...Оба периода работы Шахмардана Есенова на министерском посту заполнены множеством проектов, охвативших значительную часть территории Казахстана. Но, конечно, особое место занимает разведка и освоение природных богатств Мангыстау, «полуострова сокровищ» (этот газетный штамп так прочно приклеился к полуострову, что стал его неофициальным названием).

Насколько велик был личный вклад министра Есенова? С точностью определить невозможно. Как мы увидим в дальнейшем, кто бы ни был министром геологии КазССР, рано или поздно нефтегазоносная провинция была бы обнаружена. Рано или поздно на пустынном прежде полуострове выросли бы города и промышленные предприятия. Это так, но... Принимая во внимание дальнейшую историю нашей республики, принципиально важно, что это произошло именно «рано», а не «поздно». В эру своей независимости Казахстан вступил не с пустыми руками, ему было что предложить на мировые рынки. И было откуда транспортировать за Каспий сырье из других регионов.

Без Актау Казахстан оказался бы в полной зависимости от транзита через территорию северного соседа, что, помимо экономических, имело бы и геополитические последствия – и скорее всего, судя по нынешней международной ситуации – для Казахстана не во всем позитивные. Даже одно десятилетие задержки с разработкой новых месторождений и развитием региона могло критично ухудшить нынешнюю социально-экономическую обстановку не только на Мангыстау, но и в республике в целом.

Если бы дело, начатое Есеновым и его сотрудниками, не было к началу девяностых доведено до определенного рубежа, страна стояла бы перед необходимостью огромных дополнительных вложений, средств на которые не было. Благо, что основные производственные структуры и транспортные цепочки на Мангыстау к 1991 году уже существовали, хотя и требовали модернизации.

Между тем, всё могло сложиться иначе, поскольку первый толчок освоению Мангыстау дали вовсе не поиски нефти.



Шахмардан Есенов. Алматы, 1967 г.

Мангышлак, он же Мангыстау

В древности и в раннем средневековье территория полуострова была не то чтобы густо населена, но достаточно активно осваивалась людьми. Археологические раскопки свидетельствуют о развитых архитектурно-строительных навыках их жителей. Однако природные изменения и исторические катаклизмы (например, нашествие монголов) привели к тому, что очаги прежних цивилизаций были втоптаны в песок и ракушечник, полуостров практически обезлюдел и перестал упоминаться в письменных памятниках. Побывавший здесь – на службе в российской армии – ссыльный украинский поэт и художник Т. Шевченко в письмах друзьям и на картинах изображает полуостров

первой половины девятнадцатого века как пустыню, в которой нет практически ничего, «даже единого деревца».

Хотя название полуострова и в туркменском варианте (Мангышлак), и в казахском (Мангыстау) переводится примерно одинаково, как «тысяча поселений», само наличие двух вариантов указывает, что его население не было постоянным. А первая часть слова, говорящая о множестве кишлаков ли, аулов ли, вплоть до Второй мировой – оставалась всего лишь данью памяти о далеких веках процветания. Правда, еще до революции сюда добирались отдельные геологические партии, и хотя некоторые находки полезных ископаемых произошли, но выводов о наличии их серьезных запасов сделано не было. Урановым же месторождениям, также обнаруженным в непосредственной близости от нынешнего Актау, должного значения поначалу не придали.

Но Вторая мировая, как известно, закончилась «показательным» ядерным ударом по японским городам. Он должен был всем разъяснить, кто теперь «в доме хозяин» и на чем этот «хозяин» основывает свои претензии на власть в «дивном новом» послевоенном мире. «Показательный урок», однако же, произвел обратный эффект – привел к «холодной войне» и советскому проекту «Ядерный Щит Родины».

«Атомный министр СССР»

Ефим Славский был одним из могущественнейших людей СССР. Причем это свое почти исключительное положение он сохранял при таких разных руководителях страны, как Сталин, Хрущев и Брежнев. Много десятилетий он руководил Минсредмашем (Министерством среднего машиностроения) СССР. Таково было официальное название его поста, неофициально же Славского называли «Атомным министром». Он либо курировал, либо имел непосредственное отношение ко всем атомным проектам страны – как мирным, так и военным. Как ни странно, принимая во внимание годы, когда он осуществлял свою деятельность, и ее, мягко говоря, спорное содержание, он пользовался всеобщим уважением. И совершеннейших «ястребов», стремившихся вести с США переговоры с «позиции силы», и таких перековавшихся в «голубей мира» создателей водородной бомбы, как, например, небезызвестный академик Андрей Сахаров. Правда, при Сталине Славского однажды пытались объявить «врагом народа», но потом решили, что без него не обойтись, и оставили в покое.

По общему мнению, Ефима Славского отличали личное бескорыстие, фантастическая работоспособность и исключительная компетентность. Причем не только в административных, но и в научных вопросах. По всему Союзу в его непосредственном подчинении находились сотни так называемых «закрытых» населенных пунктов, имевших прямое или косвенное отношение к оборонным программам, а финансовые потоки, проходившие через его руки, были поистине неисчерпаемы. По утверждению Саламата Мукашевича Мукашева, впоследствии Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР, а в интересующий нас исторический период – руководителя нескольких западных областей Казахстана, Славский, например, мог лично инициировать проекты объемом в 30 миллионов рублей. В то время как даже правительства союзных республик не могли без одобрения Москвы замахнуться на бюджеты вдесятеро меньшие. Славский был академиком, лауреатом множества высших премий и государственных наград СССР, среди которых на первом месте – десять орденов Ленина и три звезды Героя Социалистического Труда.

Так вот, по свидетельствам хорошо знавших Славского людей, он не раз говаривал в частных беседах, что одна из этих трех звезд (видимо, имелаась в виду полученная им в 1962 году), по праву должна бы принадлежать Шахмардану Есенову. Это, на первый взгляд, кажется странным, поскольку молодой министр геологии Казахстана не имел прямого касательства ни к программам

производства ядерного оружия, ни к новой, затеянной Хрущевым серии испытаний водородных бомб.

Но Ефим Славский, в отличие от многих других союзных и казахстанских руководителей, умел мыслить системно и знал, о чем говорил. Именно под руководством Славского и началось освоение урановых месторождений на полуострове. Были произведены дополнительные исследования, в том числе с помощью новаторских в 1954 году методов аэрофотосъемки. Затем, в 1956 году, на полуостров пароходом из Махачкалы прибыла геологическая партия № 45 для проведения геологоразведочных работ во впадине Карагие. К середине 1957 года они подготовили доклад правительству СССР о запасах урановой руды на месторождении Меловое, а в 1958 году было открыто урановое месторождение Томак. Руда залегала на такой небольшой глубине, что ее можно было добывать открытым способом. 7 августа 1958 года ЦК КПСС принял постановление № 900-419 об освоении полуострова. Как выразился с присущей ему пошловатой образностью Никита Сергеевич Хрущев, «пора было разбудить спящую красавицу».

Уран, нефть и вода

Однако «разбудить спящую красавицу» оказалось не так-то просто. Несмотря на легкость добычи, урановую руду предстояло транспортировать к местам ее переработки и дальнейшего использования. То есть за многие тысячи километров и по транспортным магистралям, которые только еще предстояло проложить. В результате вряд ли удалось бы сохранить секретность, которая пока что достигалась за счет удаленности Мангышлака от американских авиабаз, с которых взлетали самолеты-шпионы. К тому же проект обещал стать слишком затратным – даже по меркам ведомства Ефима Славского. Кого-то другого в руководстве СССР это вряд ли бы смутило – любые затраты, любые человеческие жертвы не считались чрезмерными, если этого требовали интересы коммунистической партии и советского государства, которые боролись за мир, наращивая ядерную мощь СССР. А уж считаться с такой мелочью, как чудовищные условия жизни и работы в условиях пустыни и отсутствия элементарных бытовых удобств и даже питьевой воды – это и вовсе было как-то не по-большевистски.

Ефима Славского, кстати, тоже ни в коем случае не стоит представлять добреньким рождественским дедушкой. Человек он был жесткий и порой беспощадный. Но в тех случаях, когда крайностей можно было избежать, он не требовал от подчиненных бросаться под танки и на амбразуры. И его изобретательный ум нашел выход – никуда ничего не перевозить, перерабатывать урановое сырье на месте, то есть непосредственно на Мангышлаке, построить под всё это ядерное дело соответствующую базу, а заодно и освоить пустынный полуостров.

На счастье Казахстана, в полной мере была осуществлена не первая, которая тогда казалась основной, а вторая часть плана Славского. В 1959 году он подписал приказ о строительстве на Мангышлаке горно-металлургического комбината. Тогда же рабочий поселок Актау на мысе Меловом получил второе, «секретное» название – Гурьев-20. Но для того, чтобы всё это заработало не в экстремальном, а в нормальном режиме, для того, чтобы рядом с поселком можно было поставить ядерный реактор, переселить специалистов, их семьи, организовать порт для погрузки-выгрузки оборудования и конечного «продукта», надо было решить массу вопросов, перевести регион, как выразились бы сейчас, на «самоокупаемость». Эту задачу Славский предпочел решить не за счет союзного, а за счет республиканского бюджета. Пусть республика, которой принадлежит полуостров, не «суя нос» в ядерные программы, сама его освоит, сделает приспособленным для жизни местом, заселит... Вот как раз эта работа и выпала на

долю заместителя министра, а затем министра геологии Казахской ССР Шахмардана Есенова.

Смена вех

Достаточно просто перечислить то, что было в те годы найдено и начало осваиваться на «полуострове сокровищ», чтобы понять: Славский отнюдь не кривил душой, когда говорил, что его третью звезду по справедливости надо бы отдать Есенову. Казавшиеся на первых порах вторичными геологические работы вскоре вышли на первый план и отодвинули «ядерные проекты» в сторону. В первую очередь, конечно, надо упомянуть так называемую «южную» нефтегазоносную провинцию и ее месторождения Узень, Жетыбай, Каламкас, Каражамбас, Бозачи, которые и сегодня на слуху у всех, кто следит за развитием экономики республики. На огромные запасы нефти и газа на Каспийском шельфе серьезное внимание обратили тоже только по результатам тогдашних исследований.

На территории области были обнаружены проявления бурого угля. Причем с повышенной концентрацией германия – до 20 грамм на тонну. Попутно выявилось наличие множества других редких рассеянных элементов. Содержание стронция в обнаруженных соответствующих рудах в среднем составляет около 20%. В горной части Мангыстау были разведаны проявления фосфоритов и железных руд. Обнаружено месторождение марганца с разведанными запасами около 2,7 миллиона тонн и средним содержанием 12%. Найдены также месторождения меди, поваренной соли, минеральных солей (мирабилит, тенардит). Характерный для региона известняк-ракушечник применяется в качестве стройматериала и в области, и за ее пределами. Большую ценность представляют многочисленные месторождения мела с очень высоким содержанием углекислого кальция от 95,1 до 98,7%...

Секреты Полишинеля

Ядерные проекты на Актау в советские годы считались государственной тайной, да и в наше время о них в Казахстане почему-то не принято упоминать, хотя они давно стали секретом Полишинеля, и без них история нашей страны будет неполной и нелогичной. Возможно, это объясняется ассоциациями, которые они вызывают с болезненной для республики темой Семипалатинского ядерного полигона. Но под Семипалатинском проводились испытания ядерных устройств, в том числе, на первых порах, и наземные, причинившие огромный вред тысячам военнослужащих и гражданских лиц, ставших их заложниками и жертвами. А ядерные проекты на полуострове, к счастью, постепенно, в результате соглашений между США и СССР, были «оптимизированы», «минимизированы», а потом и вовсе «заморожены», так что ни экологии Казахстана, ни здоровью его граждан они не нанесли значительного ущерба. Атомной крепостью СССР Мангыстау так и не стал. Зато проекты, которыми с благословения Атомного министра занялся Есенов, живут и поныне и во многом определяют экономическое благополучие Казахстана.

К чести Е. Славского, надо отметить, что сам он хорошо понимал, чей труд в конечном итоге оказался «главнее», кто в данном конкретном случае лучше поработал на будущие поколения и кто, таким образом, и по вложенным усилиям, и, что самое важное, по их результатам, в большей степени достоин Золотой Звезды Героя. К тому же Славский, у которого таких огромных (а то и более масштабных) проектов было множество, руководил работами на Мангышлаке в основном «дистанционно», а лично на полуострове бывал нечасто. А Шах занимался делом непосредственно, как тогда говорили, «на местах». Участники событий вспоминают, что пути атомщиков и геологов постоянно

пересекались, и, что по тем временам было не вполне типично, ведомственные интересы, иерархические отношения Москва – республика не вредили общему делу. Напротив, союзные и республиканские поисковые партии постоянно помогали друг другу и поддерживали, чем могли, в тяжелых пустынных условиях еще не освоенного полуострова. Со снабжением, конечно, лучше дело обстояло у «москвичей» – как-никак, они представляли едва ли не самое богатое в Союзе ведомство. А вот геологи-казахстанцы лучше знали природные и климатические условия полуострова, помогали наладить отношения с местным населением, учили «атомщиков» строить землянки и бараки из того скудного материала, которым на первых порах располагали. А если и возникали какие-то «конфликты интересов», то и они решались быстро, без волокиты, без жалоб и доносов в «вышестоящие» органы... Обо всем этом, и о том, как энергично действует казахстанский министр, Славскому, конечно, докладывалось. И его личное хорошее, уважительное отношение к юному, с точки зрения Атомного министра, казахстанскому коллеге вскоре аукнулось. Когда возник нештучный конфликт из-за территориальной принадлежности Мангышлака, он встал на сторону Казахстана, что, скорее всего, и предопределило решение советского руководства.

Так что дело не только и не столько в орденах и премиях. Кстати сказать, звезда звездой, но Шах и его сотрудники в конечном итоге получили за освоение подземных сокровищ полуострова Ленинскую премию, а сам Есенов – орден Ленина. Сегодня, когда и Шах, и Атомный министр СССР, и большая часть участников тогдашних коллизий уже покинули этот свет, стоит на берегу Каспия город-порт Актау, превратившийся из барачного поселка Гурьев-20 в центр крупнейшего промышленного региона. И его принадлежность Казахстану ни у кого не вызывает сомнений. А о ядерной программе большинству мангыстаусцев напоминает только АЭС, многие годы обеспечивавшая город и энергией, и пресной водой. Все-таки Славский был министром не только «военного», но и «мирного» атома. И построенная его подопечными АЭС с первым в мире атомным реактором на быстрых нейтронах БН-350, пока не была законсервирована, давала энергию, достаточную для производства более 100 тысяч тонн дистиллята в сутки.

По-своему символично, что сбросной канал реактора заселили перелетные птицы, ранее отсутствовавшие в Актау. Дело в том, что используемая для охлаждения реактора и турбин ТЭЦ чистая морская вода была теплее воды в море, что и привлекает многочисленные виды животных, птиц и рыб. Проходя по каналу, морская вода охлаждается и возвращается в море, ее чистота жестко контролируется. Впоследствии на территории сбросного канала создали государственный заказник.

Открытия продолжали совершаться еще многие годы – но основные маршруты поисков определились в шестидесятые. Тем более, что, оставив министерский пост и сосредоточившись на работе в институте геологии и Академии наук Казахстана, Шах рассматривал ее как продолжение прежней деятельности. «Ш. Е. Есенов, – пишет академик Г. Я. Щерба, – также обладал способностью правильно оценивать перспективы тех или иных направлений в геологической науке, что позволило поднять престиж науки и роль фундаментальных академических исследований, авторитет Института им. К. И. Сатпаева в стране. Его поддержка и помощь позволили успешно завершить первые комплексные исследования крупной Успенской геологической структуры в Центральном Казахстане, хотя против их проведения выступали титулованные ученые. На месте обычной зоны смятия был установлен второй после Рудного Алтая крупный рудный пояс в Казахстане. Завершенная работа была удостоена Государственной премии Казахской ССР в 1972 году».

Впоследствии, уже став Президентом Академии, Есенов продолжал направлять и поддерживать недавних коллег. И на Мангышлаке, и по всему Казахстану. И старался, пользуясь новыми возможностями, подкрепить их поиски теоретическими разработками, наметить стратегию на десятилетия вперед.

Но всё это могло мгновенно потерять всякий смысл (во всяком случае, с точки зрения республиканских интересов). Дело в том, что когда на Мангышлаке вовсю кипели геолого-разведочные работы, голову Никиты Сергеевича Хрущева посетила и на некоторое время завладела его воображением очередная идея о том, как бы переустроить ко всеобщему удовольствию земной шар. Он решил передать Мангышлак из состава Казахстана в состав какой-нибудь другой республики. Какой именно? Тут были варианты. История эта известна в разных интерпретациях, одна из которых принадлежит близкому сотруднику Л. Брежневца доктору исторических И. Федюкину, который, по его словам, лично знакомился с засекреченными стенограммами соответствующего совещания.

Волюнтаристское отступление (Хрущев и политическая география)

На первый взгляд это может показаться (особенно молодому читателю) невероятным: как так – взять и передать огромную территорию из состава одной республики – в другую? С чего бы вдруг? Да ведь это же повод для конфликтов «на национальной почве»! И кто бы ему позволил?! Но о том, насколько такие «прожектъ», в первую очередь по отношению к среднеазиатским республикам, были для мышления Хрущева обычными, свидетельствует множество похожих историй. Например, известно, какие непростые отношения порой складывались между Узбекистаном и Таджикистаном. Причем политика центра зачастую не способствовала их сглаживанию. Особенно, конечно, всё в те же хрущевские времена. Как-то на совещании в Кремле Никита Сергеевич заявил, что узбекские товарищи предлагают взять на себя запланированное строительство нескольких предприятий: алюминиевого завода, Вахшского завода минеральных удобрений и горнодобывающего в Айни (все эти объекты расположены на территории Таджикистана). Но тогдашний глава Таджикской ССР Турсун Улджабоев встал и заявил эмоциональный и даже резкий протест. Дело было еще в пятидесятые годы, сталинские времена не стерлись в памяти, и когда таджикских руководителей после заседания повели куда-то по подземным кремлевским переходам, то они почти не сомневались, что их арестуют, а возможно, не откладывая в долгий ящик, тут же на месте и расстреляют. Но отдадим должное Хрущеву – несмотря на всю его буйную фантазию, политические нравы при нем действительно смягчились. Тем не менее «протестантов» он, конечно же, не забыл и при первой возможности сместил с постов.

Казахстану, в силу огромности территории, также не раз пришлось испытать на себе иногда по-своему логичные, а чаще – никак не объяснимые картографические упражнения московского руководства. Так, весь залив Кара-богаз гол, несмотря на то, что часть его побережья занимали казахские кочевья, был выведен из состава будущей казахской республики. Объективные причины и субъективные обстоятельства обусловили и судьбу близкой Казахстану географически и этнически Каракалпакии (некоторые российские лингвисты считают каракалпакский язык диалектом казахского). За десять с небольшим лет Каракалпакстан успел несколько раз сменить свой статус и административное подчинение. Он входил в состав Хорезмской Социалистической Советской Республики, затем – Киргизской АССР (позже переименованной в Казахскую АССР). Затем Каракалпакия вошла в РСФСР, а уже потом оказалась включенной в состав Узбекистана. Причем ни в одном из этих случаев мнением

рядовых жителей Каракалпакстана никто не поинтересовался. Руководители СССР исходили в лучшем случае из соображений экономической целесообразности. Но чаще – из квазилогик проходившей тогда «внутрипартийной борьбы», когда борьба с «буржуазным национализмом» служила прикрытием для сведения счетов в среде правящей советской элиты.

В послесталинские времена с трибуны съезда прозвучал лозунг о скором наступлении коммунизма, и был выдвинут тезис об уже будто бы сложившемся едином советском народе, с единой культурой (в которой главную роль играет, естественно, русская составляющая). С таким же присущим хрущевской эпохе легкомыслием стали относиться к административным границам союзных республик. К чести Хрущева, несогласие с его позицией уже не служило обоснованием для массовых репрессий. Но «волютаристские» (как их стали позже называть) решения советского лидера привели к множеству грубых ошибок во внутригосударственном строительстве и заложили основу будущих конфликтов.

Во время освоения целины в составе Казахстана был создан так называемый Целинный край. Он включал в себя пять казахстанских областей. Национальный состав их населения быстро менялся не в пользу коренного населения за счет массового притока переселенцев из сельскохозяйственных регионов СССР. Это, а также выкладки логистического характера (удобство снабжения), несколько раз приводило к тому, что ставился вопрос о переподчинении края непосредственно Москве, то есть о фактическом выводе его из состава КазССР. Конечно, Д. А. Кунаев никак не мог одобрять эти планы. Но впрямую заявить это Хрущеву он не решался. Одним из секретов его политического долголетия было умение уклоняться от прямых конфликтов с Москвой. Поэтому, часто с его молчаливого согласия, эту роль приходилось брать на себя другим. В случае с Целинным краем удар выпало «держать» Жумабеку Ахметовичу Ташенову, возглавлявшему на тот момент правительство республики. Надо отдать должное казахскому премьеру. Он решительно дал понять союзному руководству, в какой степени предполагаемые территориальные переделы будут непопулярны в народе. Если верить легенде (сайт «Алтын орда», 7 июля 2014 г.), он даже заявил, что если Верховный Совет СССР начнет «самолично вмешиваться в территориальный вопрос каждой республики, то надо отменять Конституцию СССР. Там ведь сказано, что каждая республика обладает правом собственности на свою исторически сложившуюся территорию. И если этот закон будет нарушен, то мы ведь вправе обращаться за справедливостью и в международные правозащитные организации, не так ли?». Трудно сказать, действительно ли он выразил свое несогласие в столь резкой форме. Однако, надо полагать, выступал смело, потому что тем самым поставил крест на своем политическом будущем. Очень скоро Москва в категорической форме потребовала сместить слишком самостоятельного (да еще и национально!) мыслящего и не пытающегося это скрыть Ташенова. И он (примечательный факт, который запомним) был отправлен в Чимкентскую область на третьестепенную должность.

Д. А. Кунаев, тоже заподозренный в нелояльности, вскоре был отстранен от власти, правда, ненадолго. Да и перемещен был недалеко – на должность Председателя Совета министров республики. Согласно его же воспоминаниям, он воспротивился передаче Узбекистану некоторых районов так называемой Голодной степи, которые предполагалось включить в общий хлопкопроизводящий регион. Эту идею будто бы всячески продвигал один из областных партийных руководителей Казахстана, который и сменил Кунаева на посту Первого секретаря ЦК КПК и ускоренным порядком провел процедуры, необходимые для передачи территорий.

Тогда же Павлодар едва не был переименован Хрущевоград... В общем, Господь ведаёт, как сложилась бы судьба целинных областей в дальнейшем, но Хрущев вскоре потерял власть, а особые отношения Брежнева с Кунаевым позволили снять территориальные вопросы с повестки дня. Удалось вернуть (правда, только частично) и потери на юге.

Без «Полуострова сокровищ»?

Что касается Ш. Есенова, то на его плечи легла забота о Мангыстау. Судьба этого полуострова в составе КазССР несколько раз ставилась под сомнение. В тридцатые годы он едва не разделил судьбу всего юго-восточного побережья Каспия и не был передан Туркменистану. Кунаев рассказывает, как однажды он чуть ли не в телефонном разговоре разубедил Хрущева, в очередной раз решившего расширить Туркмению за счет полуострова. С интенсификацией разработок нефти в 1962 году в очередной раз встал вопрос о передаче полуострова Мангышлак (как он в ту пору назывался), но теперь уже Азербайджанской ССР. В закавказской республике, мол, накоплен огромный опыт нефтедобычи, а коль скоро мы все теперь один народ... Еще раз на минуту представим сегодняшний Казахстан без Мангыстауской области, без ее месторождений, без единственного полноценного каспийского порта... Но это вполне могло стать реальностью. Кто-то из республиканских руководителей опять должен был принести себя в жертву национальным интересам Казахстана.

Сейчас нам трудно реконструировать, как могло проходить это, почти уже легендарное расширенное заседание Президума ЦК КПСС и Правительства СССР, на котором главным героем (и, как считали, главной жертвой) предстояло стать Шахмардану Есенову. Известно, что Н. С. Хрущев зачастую вел себя довольно неформально — и не только среди «своих», но и на международных форумах. Его эмоционально-грубоватые, а по мнению многих западных партнеров, просто неприличные выходки, давным-давно стали темами многих анекдотических (но, как ни странно, большей частью правдивых) рассказов. Однако, общаясь с «чужими», с «империалистами» — то есть с мировыми лидерами, Хрущев вынужден был ограничиваться угрозами, размахиваниями кулаками или стучанием туфлей по столу. А со «своими», с руководителями социалистических стран, а тем более союзных республик, он церемонился меньше. И имел в своих руках реальные инструменты для наказания непокорных. Да, сталинские времена прошли. Но прошли совсем недавно. «Старая гвардия» еще помнила Хрущева как одного из вернейших и, следовательно, беспощаднейших сталинских опричников. Все прекрасно знали, что к власти он пришел, убрав со своего пути главного соперника — другого верного сталинского подручного, Лаврентия Берию, которого облыжно обвинил в шпионаже (в пользу Великобритании). Арестовал и поспешно расстрелял его без соблюдения законных процедур. Все знали, что некогда всесильные Молотов, Маленков, Каганович и другие сталинские соратники, пытавшиеся соперничать с Хрущевым, хотя и уцелели, но были отстранены от власти и отправлены кто на пенсию (фактически под домашний арест), кто в отдаленные регионы СССР на мелкие должности (фактически в ссылку).

Но Шахмардан Есенов был человеком уже несколько другой эпохи и другого поколения. Парадоксальным образом это поколение во многом сложилось под влиянием затеянных самим же Хрущевым перемен. В этом, пожалуй, и заключался трагический парадокс эпохи. Хрущев (и не столь уж важно, из каких соображений) выпустил на свободу силы, которые сам потом так и не смог обуздать. Главной из этих сил была, конечно, выросшая при нем моло-

дежь. Инстинктивного, почти биологического страха перед верховной властью, насквозь пропитавшего «старших товарищей», Шахмардан Есенов не испытывал. Не питал он и фанатичной веры в то, что «коллективный мозг» партии материализован в конкретной личности, что устами Н. С. Хрущева всегда гласит высшая истина, только потому, что он является первым руководителем СССР. К тому же, один из немногих членов казахстанского (да и только ли казахстанского?) правительства, он был «технарем», человеком с научным складом ума, для которого решение любой проблемы прежде всего представляло собой логическую задачу. И определялось не агитационно-пропагандистскими лозунгами, а конкретными параметрами – километрами железнодорожных и автомобильных путей, кубометрами грунта, диаметрами труб для нефте- и газопроводов, необходимым количеством рабочих рук и конкретными затратами на создание приемлемых бытовых условий для тех, кому предстоит воплощать в жизнь «громадь» кремлевских планов. Далекий он был и от свойственного «сталинскому поколению» подсознательного убеждения, что если для реализации проектов ресурсов «легальной», так сказать, экономики не хватает, всегда можно использовать «теневые» – то есть рабский труд миллионов политзаключенных. Он был ближе к реальной жизни шестидесятых и понимал, что одними запугиваниями и репрессиями ничего уже не добьешься – народ не тот. Особенно – молодежь.

При всем том нельзя не упомянуть еще один нюанс, который Шахмардан Есенов не мог не учитывать, но говорить о котором, при всей своей личной смелости, не мог. Этот же «нюанс» наверняка старались обходить и другие участники совещания. Речь идет о тонкой области национальных чувств. Эпоха будто бы восторжествовавшего интернационализма налагала запрет на аргументы типа «ведь исторически полуостров – казахская земля!» или «а какое отношение к Мангышлаку имеет Азербайджан?» Подобные аргументы непременно вызвали бы у Хрущева ярость. Тот, кто попробовал бы к ним прибегнуть, тем более не в частной беседе, а на официальном заседании, скорее всего, тут же был бы обвинен в буржуазном национализме, снят со всех постов, исключен из партии и, если бы этим ограничилось, мог бы считать, что легко отделался. Наверняка у многих в памяти была история с Крымом, продолжающая драматически, а то и трагически развиваться уже на наших глазах. Если верить мемуаристам, Хрущев обсуждал этот свой «проект» с двумя крымскими руководителями – первым и вторым секретарями Крымского обкома – П. И. Титовым и Д. С. Полянским. «Титов (бывший первый секретарь Крымского обкома) идею с ходу отверг, а Полянский сказал, что это гениально. На другой день собрали пленум, Титова прогнали, а Полянский стал первым секретарем обкома» (Мясников Г. В. Страницы из дневника. М.: Институт национальных проблем образования, 2008. С. 155). Так, запросто, Крым стал частью Украины.

Необходимо было найти аргументы именно «технического», то есть экономического, финансового, научного и производственного характера, которые реально показали бы выгоду сохранения административно-территориального статуса. И, судя по всему, такие аргументы Есенов нашел. Он тщательно готовился к заседанию, и изложенные им факты и прогнозы на будущее развитие региона, аргументы в пользу того, что и научный, и административный потенциал Казахстана достаточны для развития нового нефтеносного региона, оказались вполне убедительными. Опровергнуть их такими же логическими доводами оказалось невозможным. На сторону Есенова встал А. Н. Косыгин и технари из возглавляемого им правительства. Скорее всего, решающее слово принадлежало Атомному министру. И Хрущеву пришлось «дать себя убедить».